

Конвенция о правах ребенка

Distr.: General
29 October 2020
Russian
Original: English

Комитет по правам ребенка

Решение, принятое Комитетом в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции о правах ребенка, касающимся процедуры сообщений, относительно сообщения № 98/2019* **

<i>Сообщение представлено:</i>	Р.Н.
<i>Предполагаемая жертва:</i>	Л.Х.А.Н.
<i>Государство-участник:</i>	Финляндия
<i>Дата сообщения:</i>	15 августа 2019 года (первоначальное представление)
<i>Дата принятия решения:</i>	28 сентября 2020 года
<i>Тема сообщения:</i>	наилучшее обеспечение интересов ребенка; права детей
<i>Процедурные вопросы:</i>	статус жертвы; согласие; исчерпание внутренних средств правовой защиты; недостаточная обоснованность утверждений
<i>Статьи Конвенции:</i>	пункт 2 статьи 2, статьи 3, 4, пункт 2 статьи 6, пункт 1 статьи 8, пункты 1, 2 и 3 статьи 9, статьи 12, 13, 14, 16, пункты 1 и 2 статьи 18, статьи 19, 20, 23, 24, 25, пункты 1, 2 и 4 статьи 27, статьи 31, 34, 35, 36, пункт а) статьи 37 и статья 39
<i>Статьи Факультативного протокола:</i>	пункт 2 статьи 3, пункт 2 статьи 5 и пункты с), е) и f) статьи 7

1.1 Автором сообщения является Р.Н., гражданка Финляндии 1982 года рождения. Она представляет сообщение от имени своего сына Л.Х.А.Н., родившегося в 2009 году. Она не представлена адвокатом. Факультативный протокол, касающийся процедуры сообщений, вступил в силу для государства-участника 12 февраля 2016 года.

* Принято Комитетом на его восемьдесят пятой сессии (14 сентября — 1 октября 2020 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: Сюзан Ахо Ассума, Хинд Аюби Идрисси, Браги Гудбрандссон, Филип Жафе, Ольга А. Хазова, Гехад Мади, Беньям Дауит Мезмур, Отани Микико, Луис Эрнесто Педернера Рейна, Хосе Анхель Родригес Рейес, Анн Мари Скелтон, Велина Тодорова и Ренате Винтер.

1.2 28 августа 2019 года Комитет, действуя через свою Рабочую группу по сообщениям, постановил зарегистрировать сообщение, удовлетворив просьбу о принятии временных мер.

1.3 2 января 2020 года Комитет, действуя через свою Рабочую группу по сообщениям, принял решение рассмотреть вопрос о приемлемости сообщения отдельно от его существа.

Факты в изложении автора

2.1 Автор утверждает, что отец Л.Х.А.Н. годами создавал ей невыносимые условия и не проявлял заботу о Л.Х.А.Н. Летом 2017 года, когда она потребовала у него выплачивать алименты на содержание ребенка, он начал угрожать ей и применил физическое, а также психологическое насилие в отношении Л.Х.А.Н.; дело дошло до того, что он швырнул ребенка, ударив его о стену. Отец стал причиной отчуждения ребенка от матери: он подучивал ребенка, что следует сказать сотрудникам службы охраны детства и манипулировал им, с тем чтобы он негативно отзывался о жизни с матерью. Отец занял негативную позицию в вопросах, касающихся ребенка, и манипулировал должностными лицами, направив в социальную службу жалобу на автора, в которой он ложно обвинил ее в том, в чем был на самом деле виноват сам — нанесении побоев ребенку и оставление его без надзора. Он также заставил водителя школьного автобуса отвозить ребенка к нему домой, несмотря на статус автора как основного опекуна.

2.2 Автор утверждает, что компетентные органы проявили к ней и Л.Х.А.Н. «недоброжелательное отношение» на основании заявлений отца, в том числе когда задокументированные факты о неправомерном обращении отца с ребенком были использованы против автора в вынесенном уездным судом Пирканмаа от 29 июня 2019 года решении об опеке, в котором было установлено, что в ее жилище ребенок не чувствует себя в безопасности. Отец также угрожал ребенку и предупредил его о том, чтобы он не рассказывал о семейно-бытовом насилии, которому подверглись автор и Л.Х.А.Н. Однако власти не придали значения этой угрозе. Отцу было разрешено контролировать жизнь автора и Л.Х.А.Н., в том числе путем изъятия у ребенка паспорта, с тем чтобы не дать ему возможности отправиться в поездку с автором. Кроме того, 14 ноября 2017 года уездный суд Пирканмаа вынес решение о том, что отец должен выплачивать алименты на содержание ребенка, но он отказался это делать. Он также отказался оплачивать лекарства ребенка и покрывать свою долю расходов на услуги по уходу за ним по окончании занятий в школе.

2.3 Автор утверждает, что социальный работник ложно обвинил ее в нанесении побоев ребенку. Аналогичным образом, сотрудник службы экстренной социальной помощи, которому она позвонила по поводу отца в феврале 2018 года, подал жалобу не на отца, а на автора.

2.4 В начале 2018 года автор обратилась с ходатайством о назначении единоличной опеки, поскольку в насильственных действиях в отношении ребенка отец перешел все границы: она заметила на теле ребенка синяки. Автор утверждает, что разбирательство по вопросу о назначении опеки оказалось «ниже всяких стандартов», поскольку клеветнические заявления отца о ней были представлены как «подлинные», а социальный работник, представлявший отца, предположил, что насилие является плодом ее воображения. Автор утверждает, что на основании лживых заявлений отца и ошибочного понимания пожеланий ребенка уездный суд Пирканмаа постановил разрешить ребенку жить вместе с отцом. Адвокат автора посчитал, что при принятии решений и вынесении постановлений компетентные органы государства-участника придали чрезмерный вес пожеланиям ребенка и что уездный суд не уделил достаточного внимания доказательствам хороших отношений ребенка с автором и тому, что отец манипулировал ребенком, с тем чтобы он выразил свои пожелания в пользу отца. С учетом этих ошибок и письменных отзывов об авторе со стороны социальных работников, автор сообщения отказалась от встреч с ребенком в присутствии наблюдателей.

2.5 Автор утверждает, что Л.Х.А.Н. «принудили» жить со своим отцом с марта 2018 года. Л.Х.А.Н. рассказал ей о том, что его отец и мачеха убедили его в том, что он должен жить с ними. После того, как отец не вернул ребенка, хотя он был обязан

это сделать, автор обратилась в службу социального обеспечения и в полицию, но никто не пришел ей на помощь. Автор также утверждает, что весной 2018 года было организовано слушание для выяснения у ребенка, как именно автор предположительно нанесла ему побои. Автор утверждает, что слушание не отвечало наилучшему обеспечению интересов ребенка. Летом 2018 года ребенок посетил автора несколько раз, даже несмотря на то, что отец однажды следовал за ним и остановил его, а также «попытался распространить слухи».

2.6 Весной 2019 года состояние ребенка ухудшилось. У него периодически возникали приступы гнева, он оскорблял учителей, угрожал убить себя и других, говорил об изнасиловании кого-то и бросал различные предметы. Его учитель и директор школы пришли к выводу о том, что он не может посещать школу и объяснили его поведение условиями жизни. В апреле 2019 года сотрудники социальной службы доставили его в центр поддержки семьи, где, как сообщалось, он страдал, среди прочего, от приступов страха, бессонницы, обмороков, припадков ярости и нервного тика. Два месяца спустя соцработники сообщили о том, что у него больше нет этих симптомов, и он был возвращен отцу. Автор заявляет, что это решение было необъяснимым, поскольку его учителя подтвердили, что у ребенка никогда не было таких серьезных симптомов в период проживания с ней.

2.7 В августе 2019 года автор была проинформирована о том, что на нее будет заведено дело на основании ложного обвинения в нанесении ребенку побоев; вследствие чего она не могла ходатайствовать о назначении единоличной опеки, несмотря на то, что ранее ей давали рекомендации по вопросу о передаче опекуна.

2.8 Автор утверждает, что она исчерпала все доступные внутренние средства правовой защиты посредством подачи жалоб и судебного разбирательства в период 2017–2019 годов. Она многократно обращалась в социальные службы и к социальному работнику, курировавшему дело ребенка, когда отец «нарушал договор об опеке». Однако ее ходатайству не дали хода. Она четыре раза подавала жалобы на отца и мачеху за клевету. Кроме того, она трижды подавала жалобы на совершение отцом актов физического насилия в отношении Л.Х.А.Н.; пять раз — на угрозы и словесные оскорбления в адрес Л.Х.А.Н. и самой себя; и дважды жаловалась на похищение или неправомерное «лишение свободы» ребенка, но все ее демарши оказались тщетными. Службы полиции не стали проводить расследования по жалобам, ссылаясь на отсутствие доказательств, а также на подозрения в том, что виноват не отец, а автор. Вместо этого в полиции ей рекомендовали обсудить все вопросы с отцом. Она также подала жалобу на сотрудника полиции, обвинив его в отказе провести проверку по жалобе на физическое насилие, в связи с чем Генеральный прокурор заявил, что никакой ошибки допущено не было. Кроме того, автор подала административные жалобы на сотрудников полиции, которые прекратили проверку по заявлению о словесных оскорблениях и подготовили отчет о злоупотреблениях, предположительно совершенных автором. По поводу этого ей также было заявлено, что полиция не совершила ошибку.

2.9 Наряду с этим автор обвинила социального работника, принявшего решение о возвращении ребенка отцу после его пребывания в центре поддержки семьи. Наряду с этим автор обвинила социальных работников в клевете и злоупотреблениях. Она подала четыре жалобы в Государственное административное агентство области, которое в ответ направило три напоминания руководителям социальных служб муниципалитета Тампере, однако они в свою очередь возложили вину только на автора.

2.10 Автор обратилась в уездный суд Пирканмаа с ходатайством о предоставлении ей права на единоличную опеку и о вынесении предварительного постановления об изменении места жительства ребенка и его переселении к ней, но ее усилия оказались тщетными. Затем она подала апелляции в апелляционный суд Турку и в Верховный суд, оба из которых отказали в праве на обжалование.

2.11 Автор подала четыре жалобы парламентскому омбудсмену, который отказался проводить проверку по ним, поскольку она, в частности, уже подала жалобу в Государственное административное агентство области. Она также подала жалобы в канцелярию канцлера юстиции на вынесенное распоряжение об опеке и одного из сотрудников полиции, который принял решение не проводить проверку по факту

физического воздействия в период 2015–2016 годов. Ни по одной из этих жалоб не было проведено проверок. Автор обратилась с ходатайством о наложении судебного запрета на контакты отца с ребенком, но и это обращение не увенчалось успехом, а соответствующее решение было безрезультатно обжаловано в апелляционном суде Турку. Автор обратилась в муниципалитет Тампере через его веб-сайт и попыталась привлечь отца к ответственности за злоупотребление положением и ненадлежащее обращение с ребенком, но ей посоветовали отказаться от этого. Наконец, она обратилась за помощью в клинику по вопросам домашнего насилия, которая признала факты насильственных действий, совершенных отцом.

2.12 Автор просит Комитет вмешаться в ситуацию, сложившуюся вокруг ребенка, и утверждает, что насилие со стороны отца должно быть прекращено, что он должен понести наказание и что судебные постановления и решения сотрудников социальных служб охраны детства должны обеспечивать полную правовую защиту. Автор утверждает, что ребенка необходимо вернуть и он должен проживать вместе с ней.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что государство-участник нарушило права ребенка, предусмотренные в пункте 2 статьи 2, статьях 3, 4, пунктах 1 и 2 статьи 18, статьях 24, 25, 35 и 39 Конвенции в результате оставления ребенка без надзора. Она утверждает, что государство-участник нарушило статью 3 Конвенции, поскольку соответствующие компетентные органы позволили отцу насильно увести ребенка, угрожать ему, манипулировать им и подвергать его физическому и психологическому насилию, а также забрать ребенка у автора. Власти пренебрегли законом и не признали, что заявления ребенка явились следствием манипулятивных действий отца. Кроме того, они присоединились к отцу в его нападениях на автора. Государство-участник также нарушило статью 4 Конвенции, поскольку указанные действия привели к ухудшению положения ребенка. Наряду с этим в нарушение пунктов 1 и 2 статьи 18 оно не поддержало взаимодействие между родителями и нарушило договор об опеке. Ссылаясь на статью 24 Конвенции, автор утверждает, что власти нарушили право ребенка на наивысший достижимый уровень здоровья. Кроме того, в нарушение статьи 25 Конвенции они не прислушались к ней в связи с помещением ребенка в центр поддержки семьи. Государство-участник нарушило статью 35 Конвенции, поскольку оно разрешило отцу насильно увести ребенка. В нарушение статьи 39 Конвенции оно не создало условий для восстановления ребенка. Компетентные органы государства-участника проигнорировали автора, поскольку она — женщина.

3.2 Автор утверждает, что государство-участник нарушило пункт 1 статьи 8 и пункты 1, 2 и 3 статьи 9 Конвенции, поскольку на основании предоставленной отцом ложной информации его компетентные органы позволили ему разлучить ребенка с автором на четыре месяца, несмотря на договор об опеке, предусматривающий проживание ребенка у нее дома каждую вторую неделю. Автор настаивает на отсутствии причин для разлучения ребенка с ней. Компетентные органы не приняли всерьез ее слова и не попытались организовать встречу ребенка с ней.

3.3 Автор далее утверждает, что государство-участник нарушило статьи 12, 13 и 14 Конвенции. Она утверждает, что национальные компетентные органы не прислушивались к мнению ребенка, когда он высказывал свое собственное мнение. Напротив, компетентные органы основывали свои решения на заявлениях ребенка, сделанных после того, как на него воздействовал отец, и позволяли отцу угрожать автору и ребенку, а также учителям ребенка. Власти не признали, что отец навязывал им свое мнение о них и о ребенке; что отец воздействовал на мысли ребенка; или что разлучение ребенка с автором повлияло на его взгляды.

3.4 Автор утверждает, что государство-участник нарушило пункт 2 статьи 6, статьи 16, 19, пункты 1, 2 и 4 статьи 27, статью 36 и пункт а) статьи 37 Конвенции в результате насилия, которому подвергся ребенок со стороны отца. Она утверждает, что государство-участник нарушило статью 6 Конвенции в том смысле, что его компетентные органы отрицают наличие у ребенка каких-либо нарушений, несмотря на документальные подтверждения того, что он говорил о совершении самоубийства. Страх перед отцом тормозит его развитие и мешает ему думать о собственной жизни и контролировать свои эмоции. Ссылаясь на статью 16 Конвенции, автор отмечает, что отец манипулировал ребенком и угрожал ему, в том числе с помощью ложных слухов,

и что отец заставил ребенка презирать ее и в конечном итоге повлиял на самооценку ребенка. Отец ограничил жизнь автора с ребенком, забрав у него паспорт, чтобы она не смогла с ним провести отпуск с ним, и не разрешил ему навещать ее. Прекратив расследование, компетентные органы государства-участника позволили отцу опорочить автора, при этом у ребенка сформировалось недоверие к ней. Государство-участник нарушило статью 19 и пункт а) статьи 37 Конвенции, допустив насилие со стороны отца в отношении автора и ребенка, а также возникновение у ребенка чувства вины за наказание автора. Они также поддержали нападки со стороны отца. Ребенок был вторично травмирован, когда его вернули отцу после пребывания в центре семейной поддержки. Жалобы, поданные автором, не улучшили положение ребенка. Со ссылкой на пункты 1, 2 и 4 статьи 27 Конвенции автор утверждает, что ребенка поощряют к проявлению доминантного и агрессивного поведения. Он стал использовать грубые и непристойные слова, которые узнал в своем телефоне, поскольку отец разрешает ему пользоваться им без ограничений. Отец изолировал ребенка и внушил ему свои взгляды, заключающиеся в превосходстве белой расы. Компетентные органы государства-участника не обеспечили выплату отцом алиментов. Кроме того, в нарушение статьи 36 Конвенции государство-участник разрешило использовать ребенка в конфликте отца с автором.

3.5 Автор утверждает, что государство-участник нарушило статью 20 Конвенции, поскольку его компетентные органы не разрешили ребенку жить с автором, когда он был выписан из центра поддержки семьи. Государство-участник также нарушило статью 23 Конвенции, поскольку к ребенку с симптомами синдрома дефицита внимания/гиперактивности и синдрома Аспергера необходимо проявлять особое внимание, однако компетентные органы позволили отцу пренебречь потребностями ребенка и не дать ему возможности видеться с автором, несмотря на проявляемую с ее стороны поддержку. Кроме того, государство-участник нарушило статью 31 Конвенции, поскольку власти не осуществляли контроль за процессом воспитания ребенка отцом с учетом того, что его освободили от некоторых уроков в школе с целью создания условий, способствующих его отдыху. Наконец, государство-участник нарушило статью 34 Конвенции, поскольку ребенок через свой телефон получает доступ к материалам насильственного и порнографического характера, несмотря на усилия школы по ограничению его использования.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения

4.1 В своих замечаниях от 11 ноября 2019 года государство-участник отмечает, что родители осуществляют совместную опеку и что после развода в 2011 году до марта 2018 года ребенок жил с каждым из них по отдельности в течение недели. 2 мая 2015 года в соглашение об опеке были внесены изменения, в соответствии с которыми совместная опека была продолжена, но ребенок должен был жить поочередно по неделе с матерью и отцом. Начиная с осени 2016 года отношения между родителями ухудшились. 26 июля 2017 года была проведена оценка потребностей в социальной защите, и с марта 2018 года ребенок получает такие услуги. В этой связи автор обратилась в уездный суд Пирканмаа с ходатайством об установлении единоличной опеки и выплате алиментов на ребенка со стороны отца. 29 июня 2018 года уездный суд отклонил иск о выплате алиментов на содержание ребенка и постановил продолжить совместную опеку. Отчасти с учетом желания ребенка было принято решение, наилучшим образом обеспечивающее интересы ребенка, согласно которому ребенок должен жить с отцом, а встречи с матерью должны проходить под надзором. Суд предоставил автору право на встречи под надзором. 24 сентября 2018 года и 9 мая 2019 года апелляционный суд Турку и Верховный суд соответственно отказали в разрешении на продолжение рассмотрения этого дела и на обжалование. Начиная с марта 2018 года ребенок живет со своим отцом и не видится с автором, за исключением случаев, связанных с процессуальными вопросами. 26 ноября 2018 года автор обратилась с ходатайством о том, чтобы ребенок проживал с ней, которое было отклонено уездным судом Пирканмаа 21 февраля 2019 года на том основании, что этот же вопрос находится на рассмотрении Верховного суда. В соответствии с Законом об охране детства 24 апреля 2019 года было принято решение о срочном помещении ребенка в центр поддержки семьи с целью его вывода из агрессивного состояния. Пребывание в этом центре было продлено решением от 23 мая 2019 года.

4.2 Государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым в связи с неисчерпанием всех имеющихся внутренних средств правовой защиты, как это предусмотрено пунктом е) статьи 7 Факультативного протокола, поскольку в ходе внутреннего разбирательства автор не ссылалась ни на одну из статей Конвенции. Кроме того, в связи с применением процедур уголовного судопроизводства автор не пояснила причину, по которой она не воспользовалась своим правом на привлечение к субсидиарной ответственности в соответствии со статьей 14 главы 1 Закона об уголовном судопроизводстве, которой предусматривается такое право в случае отказа от привлечения к ответственности или в случае принятия решения о приостановлении, прекращении или непроведении расследования. Кроме того, автор могла бы обратиться с ходатайством о возмещения ущерба или ходатайствовать о наказании соответствующих государственных служащих по Уголовному кодексу, Закону о деликтной ответственности и в соответствии с подразделом 3 статьи 118 Конституции.

4.3 В отношении предполагаемого игнорирования мнения автора при принятии решения о помещении ребенка в центр поддержки семьи государство-участник отмечает, что в соответствии со статьей 39 а) Закона об охране детства требование о выяснении мнения родителей может быть не принято во внимание в случае, если связанная с его соблюдением задержка нанесет ущерб здоровью, развитию или безопасности ребенка. Оно также отмечает, что автор не воспользовалась своим правом на обжалование в административном суде на основании статьи 90 Закона об охране детства решения о помещении ребенка в центр поддержки семьи.

4.4 Ссылаясь на статью 5 Факультативного протокола и одно из предыдущих решений Комитета, государство-участник отмечает, что большинство предполагаемых нарушений касаются только автора и не затрагивают непосредственно ребенка. Поскольку автор не является ребенком, эти утверждения являются неприемлемыми в силу отсутствия у нею статуса жертвы, как это предусмотрено пунктом с) статьи 7 Факультативного протокола¹.

4.5 Государство-участник далее отмечает, что, хотя автор осуществляет совместную опеку над ребенком, любые средства правовой защиты, применяемые в случае нарушения его прав, должны отвечать принципу наилучшего обеспечения его интересов; существует опасность того, что высказанные взгляды могут отражать не его собственные мнения, а мнения родителя, который пишет от имени ребенка. Государство-участник утверждает, что в данном случае, поскольку ребенок достиг возраста старше 10 лет, следует учитывать его мнение. Ссылаясь на правило 13 правил процедуры Комитета и пункт 96 замечания общего порядка № 14 (2013) Комитета, государство-участник подчеркивает, что автор не представила доказательств согласия ребенка и не обосновала свои действия от его имени. Государство-участник отмечает, что с учетом обстоятельств дела между ребенком и автором существует явный конфликт интересов, и государство-участник отмечает, что следует изучить вопрос о том, действительно ли сообщение было представлено с целью наилучшего обеспечения интересов ребенка, с тем чтобы, например не допустить манипулирования ребенком. Государство-участник приходит к выводу о том, что сообщение должно быть объявлено неприемлемым, как это предусмотрено в пункте 2 статьи 3 и пункте 2 статьи 5 Факультативного протокола.

4.6 Кроме того, государство-участник заявляет, что сообщение является неприемлемым ввиду его явной беспочвенности, как это указано в пункте f) статьи 7 Факультативного протокола, и утверждает, что суть сообщения заключается в том, что автор не удовлетворена законными результатами внутреннего разбирательства по ее жалобам, касающимся назначения единоличной опеки и выплаты ей средств на содержание ребенка, а также проживания ребенка вместе с отцом. Ссылаясь на одно из предыдущих решений Комитета, государство-участник утверждает, что в функции Комитета не входит функция суда четвертой инстанции².

¹ *У и Z. против Финляндии* (CRC/C/81/D/6/2016), п. 9.3.

² Там же, п. 9.7–9.8.

Комментарии автора по замечаниям государства-участника относительно приемлемости сообщения

5.1 13 декабря 2019 года автор представила свои комментарии по замечаниям государства-участника. По поводу отражения государством-участником фактов автор вновь заявляет о том, что отцу было предписано выплачивать алименты в ноябре 2017 года. Автор отмечает, что ее обращение с ходатайством о вынесении постановления о проживании ребенка у нее мотивировано насильственным поведением отца и признанием социальными работниками и психиатром серьезности изложенных ею фактов.

5.2 По вопросу об исчерпанию средств правовой защиты автор заявляет об отсутствии у нее какой-либо возможности что-либо предпринять в отношении решения органов полиции не проводить расследование утверждения о нанесении побоев ребенку отцом и о том, что ее адвокат сообщил ей, что прокурор не примет ее дело к рассмотрению. Она намеревалась подать заявление в суд на отца и нескольких должностных лиц, но сотрудник полиции, который беседовал с прокурором, сообщил ей об отсутствии у такого дела каких-либо перспектив. С учетом этой информации и высоких финансовых издержек, связанных с рассмотрением дела, она решила не предпринимать таких действий. Кроме того, после предъявления ей социальным работником ложных обвинений она пришла к выводу о невозможности помешать неправомерным действиям социальных работников. Она утверждает, что она действительно требовала возмещения ущерба и просила осудить соответствующих должностных лиц, но полиция не провела расследования по этому вопросу. По совету своего адвоката автор не обжаловала решение о помещении ребенка в центр поддержки семьи, поскольку подача обжалования не привела бы к изменению принятого решения.

5.3 По поводу замечаний государства-участника относительно требования о наличии статуса жертвы автор утверждает, что сообщение касается нарушений прав ребенка и что для выяснения фактов необходимо также упомянуть о ней. Она утверждает, что власти положили в основу своих решений манипуляции отца, а не мнение ребенка, и что именно неспособность ребенка выразить свое мнение явилась для нее мотивом для подачи сообщения. По словам автора судьи и социальные работники при принятии своих решений исходили только из заявлений отца, в том числе это касается их заявлений о ее нерациональности при рассмотрении вопроса о насильственных действиях со стороны отца вопреки неоднократному совершению им семейно-бытового насилия.

5.4 Автор оспаривает утверждение о том, что ее сообщение является явно необоснованным, и утверждает, что внутреннее разбирательство было произвольным, поскольку непроведение властями должной оценки причины проблем ребенка представляет опасность для его развития.

Дополнительные комментарии автора

6.1 13 февраля, 23 марта и 9, 12, 23 и 24 июня 2020 года автор представила дополнительные комментарии, отметив, что, несмотря на попытки семьи со стороны отца манипулировать ребенком, он написал автору сообщения письмо о том, что он покончит с собой, если она не организует встречи с ним в присутствии сотрудников социальной службы. Она считает, что такие встречи не остановят насилие отца. Она проинформировала об этом социальные службы, которые сообщили ей, что они обсуждали этот вопрос с отцом, хотя из представления автора ясно следует, что эта мера не позволит разрешить ситуацию. После телефонного звонка автора 12 июня 2020 года, с тем чтобы проверить состояние ребенка, была вызвана карета скорой помощи; однако автору не сообщили о дальнейшем развитии событий. При последующих телефонных звонках социальные службы сообщили ей о том, что они не собираются предпринимать немедленных действий, но что социальный работник свяжется с родителями. Ей было рекомендовано связаться с отцом, несмотря на его насильственные действия в ее отношении. В другом случае она была проинформирована только о предъявленном отцом обвинении в посягательстве на его личную жизнь из-за размещенного в социальных сетях частного поста. Она утверждает, что полиция намерена помешать ей говорить о состоянии ребенка и насилии в семье.

6.2 Автор просит о компенсации за время, потраченное на подготовку сообщения, а также за потерю ее пособий и неполучение алиментов на содержание ребенка в связи с конфликтом с отцом ребенка.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 В соответствии с правилом 20 своих правил, прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет должен решить, является ли сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

7.2 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что сообщение является неприемлемым в соответствии с пунктом 2 статьи 3 и пунктом 2 статьи 5 Факультативного протокола на том основании, что между ребенком и автором существует явный конфликт интересов. Государство-участник отмечает, что автор не представила доказательств согласия ребенка на подачу сообщения и не обосновала свои действия от его имени. Государство-участник далее утверждает, что необходимо оценить, действительно ли сообщение было представлено с целью наилучшего обеспечения его интересов. Вместе с тем Комитет напоминает о том, что в соответствии с упомянутыми положениями сообщение может быть представлено от имени предполагаемых жертв без их прямого согласия, если автор может обосновать свои действия от их имени и если Комитет считает, что это отвечает наилучшему обеспечению интересов ребенка³. Комитет отмечает, что на момент представления сообщения Л.Х.А.Н. исполнилось 10 лет и что он был способен самостоятельно сформировать и выразить свое мнение. Тем не менее Комитет отмечает, что автор является матерью ребенка и что она осуществляет совместную опеку. Комитет считает, что представленные ему материалы не указывают на то, что представление сообщения явным образом наносит ущерб наилучшему обеспечению интересов ребенка. Исходя из вышеизложенного, Комитет приходит к выводу об отсутствии каких-либо препятствий для признания сообщения приемлемым в соответствии с пунктом 2 статьи 3 и пунктом 2 статьи 5 Факультативного протокола.

7.3 Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника, согласно которому сообщение является неприемлемым на том основании, что автор не исчерпала все доступные внутренние средства правовой защиты, поскольку в ходе внутреннего разбирательства она не сослалась ни на одну из статей Конвенции, упоминаемые в ее сообщении, и поскольку автор не воспользовалась своими правами на: привлечение к субсидиарной ответственности; подачу иска о возмещении ущерба; подачу ходатайства о наказании соответствующих должностных лиц; или обжалование решения в административном суде в соответствии со статьей 90 Закона об охране детства. Отмечая, что по ходатайствам автора было возбуждено несколько административных и уголовных дел для рассмотрения по существу вопросов, изложенных в сообщении (п. 2.8), Комитет считает, что государство-участник не назвало конкретные средства правовой защиты, которые автор не использовала и которые были бы доступны и эффективны в ее случае для устранения предполагаемых нарушений, о которых она заявила Комитету. В этой связи Комитет считает, что пункт е) статьи 7 не препятствует рассмотрению сообщения.

7.4 Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что различные внутренние процедуры, относящиеся к установлению опеки и рассмотрению дела в рамках уголовного судопроизводства носили произвольный характер, поскольку власти не признали, что Л.Х.А.Н. подвергался манипуляциям со стороны своего отца и что они не смогли защитить его от предполагаемых злоупотреблений со стороны отца. Он также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что сообщение является неприемлемым как явно необоснованное и мотивированное неудовлетворенностью автора итогами внутреннего разбирательства.

7.5 Комитет напоминает о том, что именно национальным властям надлежит изучать факты и доказательства, а также толковать и применять внутреннее законодательство, если только их оценка не была явно произвольной или

³ Там же, п. 9.4.

равнозначной отказу в правосудии⁴. В этой связи Комитет не подменяет собой национальные органы при толковании национального законодательства и оценке фактов и доказательств, однако он обязан проверить отсутствие произвола или отказа в правосудии в оценке властей и гарантировать, что в качестве основного критерия в этой оценке был использован принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка. В данном случае Комитет отмечает, что из решений, принятых на национальном уровне, следует, что при принятии решений компетентные органы заслушали как родителей, так и ребенка и что утверждения автора, касающиеся манипуляций, насилия и притеснений со стороны отца, были должным образом рассмотрены, но отвергнуты как необоснованные и неподтвержденные. Комитет также отмечает, что в ходе разбирательства по вопросу об опеке уездный суд Пирканмаа положил в основу своего решения представленный социальными службами доклад о поведении, потребностях и наилучшем обеспечении интересов ребенка, в котором указано, что свои мысли ребенок сформулировал явно самостоятельно, что он самостоятельно принял решение жить вместе с отцом, начиная с марта 2018 года, и что такой выход из сложной ситуации отвечает наилучшему обеспечению его интересов. Комитет считает, что, хотя автор не согласна с выводами, сделанными национальными компетентными органами, она не продемонстрировала, что оценка компетентными органами фактов и доказательств, включая учет пожелания ребенка и их отношение к его поведению и отношениям с его родителями, была явно произвольной или иным образом равносильной отказу в правосудии. Поэтому Комитет считает, что сообщение является явно необоснованным и, соответственно, неприемлемым согласно пункту f) статьи 7 Факультативного протокола.

7.6 В свете этого вывода Комитет принимает решение не рассматривать какие-либо другие основания, на которые ссылается государство-участник.

8. С учетом вышеизложенного Комитет постановляет:

- a) признать сообщение неприемлемым согласно пункту f) статьи 7 Факультативного протокола;
- b) препроводить настоящее решение автору сообщения и для информации — государству-участнику.

---

⁴ Там же, п. 9.8.